

«Литературная газета»
[3 июля с. г.] напечатала
«Письмо моим
сыновьям»

Генриха Бёлла,
явившееся последней
прижизненной
[он скончался
16 июля 1985 г.]
публикацией
выдающегося
западнгерманского
писателя, непримиримого
антифашиста, борца
против немецкой
военщины и
филлистерства.
Книги его,
проникнувшие
болью за страну,
принесшую столько горя
человечеству и самим
немцам, чувство вины
сына своего народа,
гуланизмом, хорошо
известны советскому
читателю и пользуются
широкой популярностью.
Не со всеми
высказываниями
Г. Бёлла, его
конкретными
политическими
оценками событий
в мире можно
согласиться.
Но нам понятен
антифашистский пафос
его творчества,
его деятельности
неугомимого борца
за мир.
Ниже приводим
текст последнего
интервью Генриха
Бёлла, которое взяла
у него 11 июня 1985 года
радиокорреспондент
Мargarете Лимберг;
оно опубликовано
уже после смерти
писателя в газете
«Ди цайт» [26 июля
1985 года], назвавшей
интервью «Своего рода
политическим
завещанием» Бёлла.
Следует подчеркнуть,
что Бёлл размышляет
в интервью о
последних судьбах
Западной Германии.

— Господин Бёлл, после
войны многие питали надежду
на создание, носив Германию,
на изменение ее с самого
основания. Были и у вас тогда
эти надежды?

— Они возникли очень поздно.
Когда кончилась война, я
находился в лагере для военнопленных
во Франции, в американском лагере,
и тогда я вообще не имел никакого
представления о каком-нибудь
политическом строе в Германии.
Неотступная забота военнопленного — голод. Я вообще
не мог себе представить,
что Германия снова будет
существовать в какой-нибудь
форме. Я понятия не имел, что
в эмиграции, даже в концентративных лагерях, политические
заключенные, скажем, такие,
как Отгун Когон, уже размышляли
о новой концепции
Германии, думали над этим и
имели на сей счет определенные
представления.

Конеч войны я воспринимал
не как «час Нуль», а как «час
Ничто». В том состоянии, в
каком была Германия и в каком
была Европа, моей единственной
мыслью было: пред-
стоит мне десять, двадцать
или тридцать лет каторги. Я
думал о своей семье — как
они там пережили конец войны,
моя жена ждала ребенка,
— то есть поначалу был занят
очень личными делами, перво-
степенными заботами, и прежде
всего проблемами голода и холода.
Потом я очень скоро
вернулся домой, относительно
скоро, в конце 45-го, мы пере-
брались в совершенно разрушен-
ный Кёльн, я сказал бы —
как жильцы-восстановители.
Мы восстановили наполовину
разрушенный дом. Дом не
принадлежал нам — это было
государственное имущество.
Первые контакты с людьми,
размышляющими о политиче-

лит, 29-го, 1985, 18-е июля, № 38
Генрих БЁЛЛЬ

„КАЖДЫЙ

ДЕНЬ

УМИРАЕТ

ЧАСТИЦА

аршалла... Я не экономист и
не политолог, чтобы задним
числом анализировать его роль.
Мы никогда не сможем уста-
новить, был ли возможен соб-
ственный немецкий путь раз-
вития, скажем, в духе Ален-
ской программы. Программа
являла надежду, и эта надеж-
да не была разрушена пол-
ностью, ибо некоторые зако-
ны, изданные позднее прави-
тельством ХДС, — например,
большая пенсионная реформа
1957 года, проведенная по
инициативе ХДС, — были еще
частью Аленской программы.
Но потом с этим покончили.

— Можно ли сказать, что в
сфере культуры существовало
противодействие этой рестав-
рации?

— Да, оно существовало. Пе-
риод между 1945-м и пример-
но серединой пятидесятых —
это время отрезвления. Я ду-
маю, многие публикации, жур-
налы — назову «Франкфур-
тер хефте» как образец и как
пример издания, до сих пор
поддерживающегося той же
линии, — носили как христи-
анский, так и социалистиче-
ский характер. Это были жур-
налы, пользовавшиеся боль-
шой популярностью. Но в ко-
нечном итоге победили, так и
хочется сказать, ужасный ре-
ализм истории.

нипулированию и безработица.
Если можно манипулировать
всем, то почему бы и не без-
работицей и сегодняшним кри-
зисом? Это настраивает меня
недоверчиво по отношению к
людям, прогнозирующим буду-
щее.

— С какой целью манипу-
лируют...

— Безработица... Я не ду-
маю, что ее создали сознатель-
но, но она вытекает из разви-
тия нашей экономической сис-
темы. Я убежден, что любой
политик, представляющий пар-
тию, предпочел бы завтра во-
обще не иметь ни одного без-
работного, но он, по-видимому,
не может взять это в свои ру-
ки. Ведь есть теории, которые
утверждают, что так называе-
мое современное индустриаль-
ное общество всегда нуждае-
тся в определенном проценте
безработных, чтобы сбивать
заработную плату. Я не умею
выразиться четче.

— Западная Германия в
шестидесятых — семидесятых
годах перенимала фазу ре-
форм, недолгую фазу реформ.
Существовал ли тогда, соб-
ственно, шанс и осталась ли те-
перь хотя бы частица этого
шанса превратить в жизнь
что-нибудь из того, на что на-
деялись после 45-го? Или все
безвозвратно потеряно?

— Я не думаю, что все поте-
ряно. Можно и вне парламента
привести в движение множест-
во вещей, но решения прини-
мает парламент. А у нас нет
другой возможности, кроме
парламентской системы. Во-
прос в том, получим ли мы в
одном из ближайших парла-
ментов такое правительство, ко-
торое принялось бы за осуше-
ствление хотя бы части этих
перемен.

СВОБОДЫ

чало пятидесятых — годы «хо-
лодной войны», первые при-
знаки ремилитаризации или,
скажем, перевооружения. И
стало совершенно ясно, что
старые промышленные силы,
отчасти виновные в приходе
Гитлера к власти, финансиро-
вавшие его — да, это доказа-
но, они, например, Флик, за-
рабатывали свои деньги на
концлагерях, где рабочая сила
стоила в день, кажется, 1,5
марки, при очень плохом пи-
тании и большой смертности,
— эти старые силы в эконо-
мике еще в большей степени,
чем в армии, снова стали гос-
подствовать. Я называю это
господством, а не правлением.
Экономика, промышленность,
банки вышли из катастрофы
совершенно невероятными.

— Во внедрении или вос-
становлении старых эконо-
мических сил большую роль иг-
рали и американцы. Можно ли
сказать: не будь американцев,
все было бы по-другому?

— Нет, этого сказать нельзя.
Я думаю, что нам надо остере-
гаться того, чтобы приписы-
вать вину оккупационным вла-
стям. А ведь мы склонны к
этому, не так ли? Мы были
ими освобождены, мы не са-
ми освободили себя, а побе-
дитель диктует свои условия.
Вопрос лишь в том, не сло-
жилось ли такое положение
в результате слишком малого
сопротивления с нашей сторо-
ны. Я не могу сегодня сказать,
в какой степени политики —
например, Аденауэр и другие
— должны были оказывать
сопротивление. У меня сложил-
ось впечатление, что за но-
вые формы не очень-то боро-
лись. Какова была бы эффе-
ктивность борьбы, сказать не-
льзя, потому что ее не вели.

— Социал-демократы и
профсоюзы тоже не вели?

— Нет, по сути дела, нет. Я
не знаю силы, которая тогда,
скажем, в период между 1949
и 1953 годами, серьезно про-
тиводействовала подобному
развитию. СДПГ, правда, по-
началу выступала против ре-
милитаризации, выступала
очень-очень энергично, а вос-
становление экономических
сил я рассматриваю во взаи-
мосвязи с ремилитаризацией.

Затем мы получили план

Потому я считал бы катаст-
рофой, если бы «зеленые» не
вошли в состав следующего
бундестага. Сами по себе они
есть проявление — очень раз-
нородное проявление — дви-
жений за реформы, движений
протеста, возникающих в вось-
мидесятых годах. Возьмите
движение за мир, вызвавшее
при своем зарождении поток
клеветы и доносов в парламенте.
— в то время они
вели за собой процентов пять,
а при голосовании пункта о
ракетном вооружении на их
стороне было уже 44 процента
депутатов. Это обнадеживает.

Мы не обходим парламента,
ни в коем случае, тоталитар-
ная система не была бы реше-
нием вопроса, равно как и
сильная личность или еще ка-
кая-нибудь подобная неле-
пость. Мы уж должны пола-
гаться на парламент и на пар-
ламент воздействовать. Потому
меня так сильно огорчило по-
ражение «зеленых» в послед-
нее время. Хотя и они натво-
рили немало нелепостей и на-
болтали немало глупостей, тем
не менее они являются выра-
жением всего того, что в шес-
тидесятые годы несло в себе
стремление к переменам и про-
тест, протест, цель которого
— перемены.

— Многие считают, что по-
пытки перестройки потому
потерпели крах, что немцы —
за исключением незначитель-
ного меньшинства — обу-
реваемы своего рода страхом
перед переменами, и пока ма-
териально им хорошо живет-
ся, они согласны на все, что
бы им ни предложили. Суще-
ствует ли нечто вроде четкого
выраженного немецкого ха-
рактера?

— Я думаю, да. Это имеет
свои причины. Можно, конечно,
понять, что люди, которые
хорошо живут, боятся всяких
перемен, так как они опасают-
ся, что станет хуже. Вот что по-

литики, ответственные полити-
ки, должны нам втолковать:
мы все должны экономить не
на безработных, а на бюрокра-
тии, на излишнем управленче-
ском аппарате, мы должны эф-
фективно экономить и в бы-
ту. У нас экономят не там, где
следует: на тех, кто получает
социальную помощь, на безра-
ботных, на пенсионерах. Эко-
номия должна идти сверху
вниз, и политик должен проя-
вить мужество — экономить
наверху, сам начать экономить
и потом уже спускаться с эко-
номией вниз. Тогда мы все
неизбежно будем иметь мень-
ше, чем имеем сейчас, но все...

Мы живем в расточительном
обществе, расточительном во
всех смыслах, и расточитель-
ность выдаем за развитие. Я
думаю, многие политики в ны-
нешнем правительстве, да и в
любом правительстве, понима-
ют это. Но у них нет мужества
экономить наверху. В том чис-
ле, кстати, и на самих себе —
мы все должны отдавать. Это
касается чиновников, служа-
щих всех профессий. Но боль-
шинству людей живется пока
еще хорошо, и они боятся, ко-
нечно, перемен, ибо эти пере-
мены могут привести к эконо-
мическому ухудшению.

Не к нужде — я часто ду-
маю об этом, нельзя ведь за-
бывать, что немцы перенесли
две тотальные инфляции. Я
сам пережил две: одну в дет-
стве, другую в возрасте 30—31
года, в 1948-м. Я очень хоро-
шо помню первую инфляцию,
потому что отец привозил жа-
лование для своих помощни-
ков на ручной тележке, и это
жалование на следующий день
уже ничего не стоило. Потом
вторая инфляция, вызванная
войной. Я могу понять, что
большинство немцев, напуган-
ных этим историческим опы-
том, держатся за то, что они
теперь имеют.

— Нынешний кризис — таит
он в себе опасности? Вы сна-
чали, что кризисы в Германии
всегда ведут к повороту впра-
во. Или он таит в себе и
шансы?

— Единственным шансом,
по-моему, было бы распреде-
ление работ, то есть чтобы объем
работы распределялся рацио-
нально. Это единственная на-
дежда и для молодых людей.
Это очень сложное дело,
которое в разных областях
должно проводиться по-раз-
ному, и оно потребует огро-
мных расчетов, но с помо-
щью компьютеров такая зада-
ча, собственно, разрешима.
Разумеется, это повлечет за
собой уменьшение доходов.
Но покупательная способность
в целом сохранится. Другого
решения я не вижу.

Стало почти популярным со-
кращение рабочего времени,
это, я думаю, не в этом оконча-
тельное решение проблемы, а
в распределении работы. Ко-
нечно, это породит новую бю-
рократию, но в данном случае
я бы почел ее необходимой.
Каждый день мы видим, каж-
дый день читаем, каждый день

я слышу по радио, что разви-
тие не устраняет безработицы,
— это настолько просто, что
понятно и неэкономисту. Ста-
ло быть, требуется иное реше-
ние, и выборы в Северном Рей-
не — Вестфалии показали, что
это не обязательно ведет впра-
во. Куда ведет, не знаю. Но вы-
боры показали, что нынешнее
правительство лишь в момент
проигрыша замечает: ага, вот
кто от нас убегает — безра-
ботные, пенсионеры и крестья-
не. Заметили они это только
сейчас. Вы понимаете, только
сейчас, но как бы то ни было
— заметили. А как они с этим
справятся, я не знаю.

Все больше вымирают сво-
бодные профессии. Свободные
профессии не в официальном
смысле слова, а в житейском
— я считаю крестьянина сво-
бодным человеком, человеком
тоже свободной профессии. А
число крестьян уменьшается.
Недавно я читал, что многие

рейские речники — мелкие
собственники — вынуждены
отказаться от своего дела. Лю-
ди, имеющие собственные по-
судины и транспортирующие
грузы из Базеля в Роттердам
и обратно и еще не знаю ку-
да... Их вытесняют «муль-
ти», крупные экспедиционные
фирмы, которые с помощью
громадных механизмов, конеч-
но, все делают дешевле, все
делают быстрее и рациональ-
нее. Отмирание этой свободы,
которую может иметь и рабо-
чий, если он зарабатывает до-
статочно денег, чтобы обеспе-
чить свою семью, — это, я ду-
маю, очень скверное явление.

Каждый день умирает ча-
стица свободы, как отнимает-
ся каждый день у земли ку-
сок для дорог и так далее.

В моей профессии — она

ведь тоже свободная — боль-
шая часть моих коллег каждый
день тоже теряет свободу. В
том числе и свободу экономи-
ческую. Мы ведь всегда заме-
чаем только звезды первой ве-
личины, которые производят
свои бестселлеры. А они не со-
ставляют и двух процентов пи-
сателей, остальные работают
не меньше, чем «звезды», по-
рой даже больше. Я ли пишу
роман, который, быть может,
будет хорошо продаваться, или
мой коллега — работает-то он
над ним так же, как я, — по-
нимаете, это какое-то безумие:
звездомания во всех областях.
И здесь тоже разрушается
свобода, а вся суета вокруг
киноактеров — сплошное су-
машество, бессмыслица.

Я убежден, что любой
фильм, любой, все равно ка-
кой, можно делать с молодыми
немецкими актерами, которых
мы, возможно, еще совсем не
знаем. Любой. Любой. И тем
не менее гонятся за «звезда-
ми», которые своими гонорара-
ми только удорожают фильм.
Все это скверные явления.

В этом пункте мы уже аме-
риканизированы. У Америки,
конечно, много хороших сто-
рон, очень много положительных
сторон, это страна с бо-
гатым геологическим, геог-
рафическим, интеллектуальным
разнообразием, но сказывает-
ся влияние чистой индуст-
риализации культуры.

— Вы сказали, что в резуль-
тате исчезновения свободных
профессий все время умирает
частица свободы. Это нечто
такое, что вы переносите на
все данное общество?

— Я воспринимаю понятие
«свободные профессии» не в
официальном смысле — там
это налогово-техническая клас-
сификация, о которой можно
спорить, но сейчас не это ин-
тересно. То же самое проис-
ходит у юристов и врачей, мно-
гие из них перебиваются с
очень, очень большим трудом,
теряя при этом свободу, буд-
то свобода выбора или поли-
тической свободы. Вот в чем
большая опасность. Во всех
свободных профессиях, в том
числе у писателей, художников,
только единицы взмывают
высоко: кинорежиссеры, кое-
кто из писателей, кое-какие
художники — человек десять,
может быть, двадцать, а ос-
тальные прозябают. Этим сто-
ило бы заинтересоваться поли-
тикам, которые по меньшей
мере десять раз на дню гово-
рят о свободе.

Перевод с немецкого
Е. КАЦЕВОЙ